

Батырева Л.П.
ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРОЗВИЩА С ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВОЙ

Прозвища широко бытуют в малом социуме, в частности, в сельской местности. Однако известные изменения в жизни деревни влекут за собой изменения в лексиконе говоров, в том числе, в составе прозвищных номинаций.

Беседы с местными жителями привели нас к выводу о том, что деревенские прозвища – часто уже факт истории. Так, Г.В. Ковалёва, 1933 года рождения, жительница д. Привалье Палехского р-на сообщила, что в их *вотчине* (в окрестных деревнях) у всех мужчин до 1938–1940 гг. рождения прозвища были, тогда как у более молодых уже не было. Материал, собранный в д. Дроздово, датируется только 20–60 гг. XX в. В с. Худынском рассказали о том, что «*раньше как-то принято было полу'мничать*», при этом прозвища имели только взрослые¹. Важно, таким образом, записать и прокомментировать еще сохранившиеся, хотя уже только в памяти пожилых людей, языковые факты

Деревенские прозвища лингвистами изучаются очень активно. Известны работы о смоленских, вологодских, красноярских, воронежских, тамбовских, липецких, владимирских, нижегородских прозвищах, прозвищах Орловщины, Урала, Кубани и др. Рассматриваются прозвища в разных аспектах: изучается семантика основ, структурные модели, способы номинации, синонимия и вариантность, их экспрессивность и др. Антропонимы интересны и как источник сведений о составе апеллиативной лексики говоров.

Наблюдения над местными языковыми фатами² показали, что в качестве прозвища используются диалектные лексемы разных тематических групп, и в каждом случае – свои мотивы номинации. Так, прозвище *Бу'шма* (а *бушмой* в местных говорах называют брюкву) имеет такую мотивацию: *Бушма – так как у женщины было круглое, белое лицо*. Мужское же прозвище *Она'рыш*, связанное с диалектным *опарыш* 'кочан капусты', – пример языковой игры, своего рода перевод с общеупотребительного на диалектный фамилии *Капусткин*. Поскольку цель прозвища – дать характеристику человеку, особенностям его внешности, характера, манеры говорить, выделить его индивидуальные черты, оценить их, логично, что прозвищем служит характеризующее существительное. В д. Аристово, например, слово *курна'вка*, именуемое и характеризующее женщин маленького роста, стало прозвищем женщины маленького роста.

Не всегда, однако, в составе апеллиативной лексики говоров обнаруживается информация о мотивах номинации. В д. Дроздово, например, человека прозвали *Жохом*, так как он был жадный. Между тем лексема *жох* 'жадный' в шуйских говорах не отмечалась, а в словарях находим следующее: *жох* – «1. Необразованный, грубый человек; мужлан. ... 2. Черствый, жесткий, неуступчивый человек ... 3. Сутяга. ... 4. Бестолковый или неумный человек. Шуйск. Влад., 1854. 5. Жулик, плут; мелкий вор» [СРНГ 9: 218]; «пройдоха, жулик» [СГКЗ: 111]; «2. Экспресс. Обманщик, мошенник, плут» [АОС, 14: 325], а также *жоха* 'пронирыливый человек' [ЯОСД 1: 230]; *жохарь* – «экспр. Лживый, изворотливый человек» [СРГК 2: 75].

Прозвище *Додон* (*плохо слышит, глухой*) тоже восходит к характеризующему существительному. Ср., однако: *додон* – «1. Нескладный человек. 2. Мифическое существо, которым пугают детей... 3. Прозвище [какое?]» [СРНГ 8: 89]; «1. Человек высокого роста... 2. Заносчивый человек... 3. Болтливый, шумный человек... 4. Человек, имеющий большой аппетит... 5. Неповоротливый и ленивый человек» [ЯОС 4: 8]; «4. Как додон. Об упрямом своевольном человеке» [ЯОСД 1: 197]. В шуйских говорах *додонами* называют глупых, исключительно бестолковых людей. Апеллиатив *додон* 'глухой' не известен, но фиксация лексемы в качестве онима позволяет предположить факт его существования.

В д. Аристово человек был прозван *Лямым*, так как был кривоглазый. Опрос местных жителей показал, что слово *лямой* действительно известно в значении 'косоглазый', ранее же оно отмечалось в

¹ В этом населенном пункте существовала, по сути, система прозвищных номинаций: они давались женщинам (тогда как в других деревнях, например, в д. Привалье, бытовали главным образом мужские прозвища) по фамилии, иногда по отчеству. См. запись беседы с жителями Худынского:

– *Брызгалиха...* Фамилия *Брызгаловы* были. А раньше как-то принято было *полу'мничать*, по фамилии – *Брызгалиха, Сочиха*. Была Анна Васильевна *Брызгалова* – её звали *Брызгалиха*. Потом была *Седова* – *Седычиха*. *Сочиха* – *Сочкова*. А потом ещё по отчеству – *Петриха*. Нас называли *Скобелихи* – *Скобелевы*.

– И детей, и взрослых?

– *Больше взрослых. Старики...* У них было принято, что ли, называть... А вот *Горских* никак не называли.

Перцевых называли *Перчиха*.

– А мужчин?

– *Мужчин не называли.*

– А детские прозвища помните?

– *Ну, если очки носит, то очкарик. Если одна нога короче, прихрамывал – Гуляй-нога.*

² В статье использован материал, записанный нами в с. Худынское Лухского р-на; Е.С. Ставровским в д. Дроздово Шуйского р-на, А.К. Мухтаровой в д. Аристово Шуйского р-на, Е.В. Булгиной в д. Привалье Палехского р-на.

шуйских говорах только в значении 'хромой' (*Соседка лямая была; Курица лямая!* (дразнилка) и др. Савинский, Шуйский, Южский р-ны. В Южском р-не записан глагол *лямать* 'хромать').

Мотивы создания большинства прозвищ уже забыты. Однако данные словарей дают возможность делать предположения о причинах их появления, об их связи с характеризующим существительным. Это касается, например, прозвища жителя д. Дроздово – *Ванька Гагара*. Ср. данные словарей: *гагара* – «1. О человеке, часто смеющемся громким отрывистым хохотом... 2. О высоком неуклюжем, плохо сложенном существе... 3. Прозвище человека, имеющего длинную шею» [СРНГ 6: 87–88]; «о высокой женщине» [ЯОС 3: 65]; «2. Перен., неодобр. О высокой неуклюжей женщине», *как гагара* – «неодобр. О громко смеющемся человеке» [ОСВГ 3: 20–21]».

Антропоним, таким образом, позволяет обнаружить новое, ранее не отмечавшееся значение соответствующего апеллятива или допустить факт его существования.

Прозвищем служит слово, производное от диалектной лексемы и являющееся единичной номинацией, бытующей только в качестве онима. Например: *Миша Телепало* – *говорил часто фразу: «Пойду потелепаю», что значит – пойду поем*. Глагол *телепать* 'есть понемногу' известен местным говорам. Он отмечен и в СРНГ [СРНГ 44: 5]. Однако существительное *телепало* фиксировать не приходилось. К этой группе фактов, вероятно, следует отнести прозвище *Бачан*. Ср.: *бачанить* 'кричать' [СРНГ 2: 16], *бачить* 'говорить, разговаривать, болтать' [СРНГ 2: 161; АОС 1: 134; КрКОС: 29; СРГС 1: 52; ОСВГ 1: 65–66]. Женское прозвище *Саморуха* (*так как это дельная баба*) связано с прилагательным *саморучный* (*саморушный*) 'изготовленный в домашних условиях, вручную; самодельный' [СРНГ 36: 100], 'сделанный своими руками' [СРГК 5: 630]. Прозвище *Жуля* отсылает к словообразовательному гнезду с известным значением корневой морфемы: *жулить*, *жулик*, а в говорах – *жульница* 'воровка, мошенница', *жульничка* 'плутовка, воровка', *жультепа* 'вор, обманщик', 'шайка воров, обманщиков', *жулябие* 'плутоватый человек', *жулябий* 'проньера, плут, обманщик' [СРНГ 9: 226]; *жулистый*, *жулянский* 'жуликоватый' [ЯОС 4: 51].

Прозвищем становится имя собственное. См. запись, сделанную в д. Аристово: *Детей в детстве пугали Оганей. Мама моя рассказывает: «Помню, жила у нас в деревне одна бабка, звали ее Агафья, но дразнили Оганя. И ходила она всем по окнам стучала, оттого что глупая баба была да бедная, просила милостыню. Помню, ляжем спать, да балуем, нам мать с отцом и говорят: «Тихо, а то Оганя придёт сейчас». Мы испугаемся и лежим, не шевелимся. Кстати, меня мама с бабушкой в детстве тоже Оганей пугали, хотя уже её давно нет в живых*. Имя собственное *Оганя* (в Словаре Петровского среди производных от имени Агафья названо Аганя; произношение же начального [o] – фонетическая особенность традиционных говоров) приобретает отрицательную коннотацию, становится прозвищем, и далее возникает нарицательное *оганя* 'мифологическое существо, которым пугают детей'. Иначе говоря, происходит апеллятивизация имени собственного в частной диалектной системе. Подобные примеры: *Офоня* (отсюда – Толя *Офонин*), *Пафнутич* – медлительный заторможенный человек; *Фофан* – ко всему безразличный человек, медлительный.

В наших материалах велико число прозвищных номинаций, которые информантами никак не комментируются, которые не обнаруживают связи с апеллятивной лексикой говоров и часто не находят какого бы то ни было обоснования факта своего появления в лексикографических источниках. Это, например, следующие лексемы: *Вова Лёлёка*, *Федя Чулябач*, *Сергея Мулик*, *Славка Мурок*, *Вовка Бомбей*, *Коля Турбай*, *Витя Чича* (д. Аристово); *Рин-та-та*, *Ганай*, *Моя*, *Молёк*, *Ханя (Ханёк)*, *Паташ*, *Лялян*, *Каба* (д. Привалье); *Гугай*, *Пырин*, *Шлепёна*, *Ёлишин (Елишин)*, *Ратя (Ратюк)*, *Бебеня* (д. Дроздово). Все они требуют дополнительного изучения. Может случиться, что фиксация апеллятива «внутри» онима – единственная память о нем в говорах, и было бы неправильно игнорировать это обстоятельство.

Принятые в работе сокращения

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–16. М., 1980–2015.

КрКОС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост.: Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома, 2006. – 347 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Т. 1–9. Киров, 1996–2014.

СГКЗ – Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – XXXI. – 512 с.

Словарь Петровского – Петровский Н.А. Словарь русских личных имен // Режим доступа (свободный). URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=226> [Дата обращения: 22.04.2017].

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2004.

СРГС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–48. М.; Л./СПб., 1965–2015.

ЯОС – Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

ЯОСД – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

Часть материала опубликована:

Батырева Л.П. Шуйские прозвища с диалектной основой // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конф., посв. 50-летию первой Поволжской ономастической конф. и памяти её организатора В.А. Никонова (Ульяновск, 20-23 сентября 2017 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. В 2 т.. Т. 2. Ульяновск: ФБГОУ ВО «УлГПУ им. Д.Н. Ульянова», 2017. С. 29-33.